

ДИАЛЕКТИКА ВЕЩИ И ПРОЦЕССА: РЕЛЯТИВИСТСКАЯ МОДЕЛЬ РЕАЛЬНОСТИ

В.В. Крюков,
Новосибирский государственный
технический университет
krukov@fgo.nstu.ru

Статья посвящена сравнительным характеристикам онтологических схем, вариантов концептуальных построений. Далее представлена релятивистская модель реальности с позиций диахронического анализа. В рамках предложенной модели даются определения материи и бытия в специфически онтологическом контексте.

Ключевые слова: реизм, атрибутивизм, реляционизм, вещь, процесс, диахрония, релятивизм, материя, бытие.

Существует три возможных подхода к построению теоретической модели реальности: реистический, атрибутивный и реляционный, с учетом онтологической или гносеологической ориентации. У каждого из них есть свои достоинства и недостатки, причем последние становятся мишенью достаточно острой критики, имеющей взаимный характер.

Реистическая модель нацеливает на описание реальности с точки зрения ее внутренней определенности, самой по себе, безотносительно к средствам и способам ее познания, и это, видимо, имеет смысл. Вместе с тем существенными недостатками этого подхода являются, с одной стороны, эмпиризм и описательность, что приводит к громоздким классификациям видов и уровней по разным основаниям с многочисленными вариантами уточнений в связи с постоянно обновляющимся содержанием естественно-научных представлений.

С другой стороны – этот подход влечет неизбежный выход за рамки собственно предмета философии, и даже не в старом натурфилософском смысле, а в том, что обращение к конкретному научному материалу лишает такую модель теоретической глубины, необходимой абстрактности в силу отказа от рефлексивной специфики философского обобщения. Именно в этом случае философ начинает толковать о кварках и глюонах, атомах и молекулах, биоценозах и галактиках, что требует широкой эрудиции на грани дилетантизма. Но более того, это вовсе не дело философа, и речь может идти лишь о том, что ему в данном случае нечего сказать о природе в своем собственном понятийном аппарате.

Реляционная модель выглядит в этом смысле контрарной. Она отвлекается от каких бы то ни было конкретных характеристик предметного многообразия и вводит, по-видимому, именно теоретический

принцип определения реальности, не зависящий от меняющегося в процессе развития научного знания содержания частных дисциплин. Однако и здесь недостатки довольно серьезны.

То отношение, которое задается в реляционной модели, а именно отношение субъекта познания к реальности, является для самой реальности внешним и необязательным, а в понимании природы самого субъекта модель сталкивается с непреодолимыми трудностями истолкования статуса субъективной реальности. Плюс к этому модель страдает антропоцентризмом, поскольку человек с его сознанием оказывается в ней абсолютной, привилегированной системой отсчета, а это явно субъективно. К тому же эта модель статична, поскольку субъектно-объектное отношение неизменно, «вечно» и никак не варьируется, что, вообще говоря, заставляет думать о неадекватности определения, таким образом, многообразной и изменчивой, в принципе нестационарной реальности.

В определенном смысле компромиссной выглядит *атрибутивная* модель реальности. С одной стороны, в ней есть ориентация на мир вещей как таковых, и ее целью является именно адекватный образ объекта. С другой же стороны, те свойства, которые приписываются материальному объекту в качестве его атрибутов, фиксируются опять-таки как инвариантные стороны вещей в их взаимодействии с познающим субъектом. С этих позиций мы называем природой вещей лишь то, что отмечаем в них с определенным постоянством. Но если мы с вершины категории сущности спустимся на одну ступеньку ниже – к категории качества, то вряд ли мы тем самым снимем трудности гносеологического субъективизма.

Конечно, следует помнить о том, что акценты на вещь, свойство или отношение ставятся исключительно в интересах анализа, тогда как сам предмет, безусловно, синкретичен. Это обстоятельство отмечается специально в соответствующей литературе. Так, А. Уёмов писал: «Каждая категория (“вещь”, “свойство” и “отношение” – В. К.) представляет собой особый, вырожденный случай другой категории»¹. *Вещь* как нечто отдельное может быть ограничена от других вещей не каким-то абсолютно уникальным качеством, ибо ничто не существует в единственном экземпляре в качественном отношении; а лишь уникальным сочетанием свойств, имеющихся в том или ином наборе, у других вещей. В этом смысле понятие «вещь» определяется комбинаторно: как упорядоченная совокупность свойств, и тогда сама вещь есть то самое целое, которое больше суммы своих частей.

Аналогичным образом *свойство* проявляется (и особенно измеряется в степени) лишь через отношение, поскольку определить принадлежность некоторого предиката некоторому субъекту можно лишь путем сравнения, отождествления или различения этого субъекта с другими или от других. *Свойство* как «*свое*» предмета именно и может быть зафиксировано через «*чужое*».

В свою очередь, и *свойство*, и *отношение* *овеществляются*, становятся *предметами* рассмотрения, и вовсе не в силу языкового подобия, специфики понятийного выражения, а потому, что с переходом от единичной вещи к множеству вещей предметом оказывается именно *свойство*. Точно так же, когда множество дробится на подмножества или само включается в качестве подмножества в более мощную совокупность,

¹ Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения / А.И. Уёмов. – М.: Наука, 1963. – С. 84.

то в качестве предмета начинает выступать отношение. В этом плане В. Тугаринов совершенно справедливо связывает понятия вещи, свойства и отношения с субординацией категорий, в которой, в свою очередь, отображается структурная иерархия бытия.

Это обстоятельство, говоря о материи, отмечает и В. Кучевский. С его точки зрения, она «...берется в трех своих “ипостасях” одновременно, т. е. и как вещь, и как свойство, и как отношение. В философских рассуждениях о материи трудно удержаться в пределах одного из этих аспектов предметного содержания категории “материя”. Как только фиксируется один из них, мысль тут же как бы “соскальзывает” на два других так, что в руках у нас всегда оказывается сразу вся полнота предметного содержания категории “материя”»².

Почему же в таком случае философы на протяжении многих лет яростно спорят, разделившись на онтологистов и гносеологистов, выдвигая реистические, атрибутивистские и реляционистские модели с неперемнной претензией на единственную правильность? При этом они апеллируют к одним и тем же авторитетам, цитируют и толкуют совершенно различным образом одни и те же тексты, причисляя себя тем не менее к одной и той же философской школе. Не демонстрируют ли они тем самым то, что Иммануил Кант называл отсутствием способности суждения?

«Отсутствие способности суждения, – писал Кант, – есть, собственно, то, что называют глупостью, и против этого недостатка нет лекарства. Тупой и ограниченный ум, которому недостает лишь надлежащей силы рассудка и собственных понятий, может обучением достигнуть даже уче-

ности. Но так как в таких случаях подобным людям обычно недостает способности суждения, то нередко можно встретить весьма ученых мужей, которые, применяя свою науку, на каждом шагу обнаруживают этот непоправимый недостаток»³.

Надо полагать, что решение конструктивной задачи теоретического моделирования реальности должно предполагать рациональный синтез различных подходов, объединение их достоинств, выявление их позитивного содержания и вместе с тем безоговорочный отказ от догм, которые стали веригами, отягощающими движение творческой мысли.

Основная догма, как нам представляется, заключается в константности самого понятия «вещь». Эта константность имеет место и в западных интерпретациях. Так, скажем, в *теории внешних отношений* Б. Рассела, в которой мир рассматривается как совокупность независимых индивидов и описывается в терминах номиналистического языка квантифицированных определений; или в *контрарной доктрине органицизма* Ф. Брэдли и А. Уайтхеда, где все отношения между вещами имеют внутренний характер, но тогда он сам, т. е. мир реальности, предстает как *супервещь* со стертыми границами внутри и описывается платоновским языком с акцентом на общности в виде классов, множеств и т. п. Две эти радикально различные картины, в сущности, тождественны, и любая из них есть «вывернутая наизнанку» своя противоположность.

В соответствии с иерархией понятий «вещь» – «свойство» – «отношение» А. Уёмов уже находит возможность многообразия описаний реальности, выделяя *монар-*

² Кучевский В.Б. Анализ категории «материя» / В.Б. Кучевский. – М.: Наука, 1983. – С. 109.

³ Кант И. Соч.: в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – С. 218.

ные, бинарные и тернарные модели. Причем сторонники монарных моделей считают, что мир состоит из единиц одного структурного типа: вещей – в реистическом варианте, свойств – в атрибутивном варианте и отношений – в реляционном. Бинарные модели предполагают использование парных характеристик типа «вещь – свойство», «вещь – отношение» или «свойство – отношение». Тернарные модели включают в себя все три характеристики с различными вариантами субординации.

Сам А. Уёмов склоняется к тернарной модели с приоритетной ролью вещей, указывая на то, что вещь обладает большей степенью самостоятельности существования, чем свойство или отношение. В самом деле: можно говорить о вещи как таковой, но свойство – это всегда свойство чего-то, а отношение – отношение между чем-то и чем-то. При этом он пишет: «Правда, свойство или отношение тоже можно рассматривать самостоятельно, как отдельную сущность, но это и будет их рассмотрение в качестве вещи»⁴.

Такое понимание развивает определенную традицию, суть которой в том, что понятия «свойство» и «отношение» как раз и характеризуют переход от единичного объекта к множественному, и именно с их помощью множественный объект осмысливается как целостность. Эта мысль создателем теории множеств Г. Кантором была выражена следующим образом: «Этим словом (*множество*) я обозначаю понятие одной чрезвычайно обширной дисциплины, которую до сих пор я пытался развить лишь в специальной форме арифметического или геометрического учения о множествах. Под многообразием или множе-

⁴ Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения / А.И. Уёмов. – М.: Наука, 1963. – С. 72.

ством я понимаю вообще всякое многое, которое можно мыслить как единое, то есть всякую совокупность определенных элементов, которая может быть связана в единое целое с помощью некоторого закона, и я думаю таким путем определить нечто, родственное платоновскому *είδος, ἰδέα* (идее)»⁵.

Само понятие «*вещь*» определяется различным образом. Одни авторы делают это чисто формально, исходя из признака пространственной ограниченности, отдельно чего-нибудь от всего остального. Так, П. Березовский, ссылаясь на Эвклида, делает это так: «Замкнутость тела как особенного осуществляется по ограничивающей тело поверхности – двухмерной пространственной форме. Поверхность тела – его пространственная граница. Свойство трехмерности вместе с его пространственной границей – поверхностью определяет еще две характеристики тела – его объем и геометрическую форму.

... Тело как особенное, будучи замкнутым образованием, вместе с тем является образованием незамкнутым. Та же самая поверхность, которая ограничивает тело, осуществляет и выход за его пределы. При этом к границе данного тела примыкает другое тело или какое-то их множество. Пространственная граница тела является границей соприкосновения тел»⁶.

Другие авторы определяют вещь содержательно, стремясь найти не внешние, а внутренние характеристики. Так, солидаризируясь с позициями А. Уёмова и А. Райбе-

⁵ Учение о множествах Георга Кантора // Новые идеи в математике. – СПб., 1914. – Сб. 6. – С. 69.

⁶ Березовский П.И. Понятие материи в системе категорий диалектического материализма / П.И. Березовский. – Красноярск: Изд-во КрасГУ, 1982. – С. 101.

каса⁷, В. Кучевский определяет это понятие следующим образом: «Вещь есть любой обладающий устойчивой целостностью и качеством фрагмент непосредственного бытия, реализующийся в соотношении с собой и другими частями внешнего мира. Всякая вещь имеет свои границы, которые определяются ее соотношением с другими вещами. ... В понятии вещи отражается дифференцированность, прерывность и многообразие бытия. ... Как форма предметной реализации бытия вещь, в отличие от свойства и отношения, не обладает статусом общего»⁸.

В том же ключе, в русле тернарной концепции вещей, свойств и отношений проводит детальную экспликацию понятия «вещь» Л. Антипенко. С его точки зрения, вещь характеризуют такие фундаментальные определения, как неисчерпаемость и целостность. Причем первое определение трактуется как невозможность свести вещь к некоторой совокупности свойств, «растворить» ее в присущих и другим многообразным вещам качествах, а второе определение представляется как системное объединение всех составляющих компонентов содержания предмета с присущим ему органическим строением. При этом видимая противоречивость целостности неисчерпаемого снимается тем, что «...целостность представляется нами актуально и распространяется на все свойства вещи, вплоть до фундаментального, но не далее. Что же касается неисчерпаемости, то ее, если представить задачу несколько упрощенно, следует понимать в плане потенциальной бесконечности, развертываемой при движе-

нии вглубь материи»⁹. Содержательно здесь воспроизводится *монадный* принцип Лейбница: вещь – это единица, обладающая в некоторой среде чертами автономности.

Независимо от того, формально или содержательно трактуется понятие вещи, все же сохраняется исходный догматизм в понимании ее существования. Вещь рассматривается как нечто устойчивое, определенное, ограниченное в пространственном и временном смысле, т. е. она предстает перед нами как квазиточечное образование. Причем всеобщим является стереотип, согласно которому такой подход не зависит ни от каких систем координат, и вещь, во всяком случае, есть вещь, даже когда в ней происходят те или иные изменения в интервале существования от зарождения до гибели.

На то, что в таком подходе далеко не все ясно, а уж тем более благополучно, обращали внимание многие исследователи. Так, Г. Маргенау в капитальной, обстоятельной работе «Природа физической реальности» весьма детально разбирает понятия реальности и существования. Обсуждая историю вопроса, он извлекает из нее три аспекта определения реальности, согласно которым она есть или нечто вечное, перманентное, неизменное (*the enduring*), или нечто вещное, вещественное (*the think-like*), или то, что является действующим, действенным, а значит, и действительным (*the efficacious*).

В контексте нашего исследования интересен второй аспект. С точки зрения романского философского наследия, как считает Г. Маргенау, реальность существует в виде множества вещей, которые воздействуют на познающего субъекта и тем самым обнару-

⁷ Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории / А.Я. Райбекас. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 212 с.

⁸ Кучевский В.Б. Анализ категории «материя» / В.Б. Кучевский. – М.: Наука, 1983. – С. 42.

⁹ Антипенко Л.Г. Проблема физической реальности / Л.Г. Антипенко. – М.: Наука, 1973. – С. 104.

живает себя. То, как воспринимает вещи человек, традиционно называлось вторичными качествами. Свойства самих вещей, выступающие прототипами, считались качествами первичными. Но, отмечает Г. Маргенау, история научной мысли показывает, что человек приписывал вещам то, что на самом деле было чисто субъективным по природе.

В свое время в перечень первичных качеств исходных элементов природы Анаксагор включил размер, цвет и вкус. Эмпедокл использовал размер, форму и местоположение, отвергнув цвет и вкус как антропоморфные. Атомисты исходными свойствами элементов полагали размер, форму и местоположение. У Локка ими оказываются протяженность и тяжесть, а в ньютоновской механике – масса, местоположение и скорость.

«В текущем столетии, – пишет Г. Маргенау, – происходит прогрессирующее превращение первичных качеств во вторичные; развитие, которое недвусмысленно указывает на такую возможность в ближайшем будущем, когда все первичные качества будут исчерпаны и наше описание физических явлений станет полностью абстрактным»¹⁰.

Даже если считать, что в приведенном высказывании есть доля преувеличения, нельзя не согласиться с тем, что человеческое восприятие хотя и является выделенной системой отсчета (ведь кроме нас самих, мы не знаем других познающих субъектов), но вовсе не может рассматриваться как система абсолютная. В частности, и в отношении выделения из потока бытия, из многообразия реальности автономных, це-

лостных фрагментов в форме вещей. Прежде всего это касается внешних характеристик вещи.

В самом деле, задумаемся над общеизвестными фактами. В макром мире понятия «твердое тело», «жидкость», «газ» могут применяться к одному и тому же веществу в зависимости от температуры. И если еще у твердого тела есть внешняя граница, то при нагревании она становится изменчивой в жидком состоянии и исчезает в газообразном. Для того чтобы вещество стало пронизываемым, необязательно его просвечивать излучением, а достаточно расплавить или испарить. Более того, известно, что и в твердом состоянии поверхность тела постоянно «парит»: с нее улетучиваются молекулы, благодаря переносу которых ощущается запах, и она поглощает молекулы других веществ, пропитываясь «чужим» запахом.

Восприятие нами чего-то как телесного или бестелесного зависит и от такой физической характеристики, как плотность. Если камень, дерево или даже живая ткань – это еще тело, то вода, воздух, а тем более вакуум – это уже среда. Чтобы воспринять воздух как тело, надо чтобы подул сильный ветер, или чтобы на него оперлись широкие крылья, или уж вообще надо подняться в космос и увидеть со стороны воздушную оболочку нашей планеты. Да и то окажется, что у земной атмосферы нет резкой границы, а есть лишь постепенно уменьшающаяся плотность вещества. В общем же случае мы воспринимаем как нечто вещное, телесное то, что плотнее нас самих, нашего тела как эталонной единицы измерения, и как бестелесное то, через что мы сами проходим как сквозь среду.

Внешние объекты мы воспринимаем относительно (как вещи, тела или не вещи,

¹⁰ Margenau H. The Natur of Physical Reality. A Philosophy of Modern Physics / H. Margenau. – New York, Toronto, London, 1950. – P. 7.

бестелесные сущности) и в зависимости от масштаба. Так, лишь под микроскопом мы можем различить детали строения клетки и воспринять ее как сложное образование во всем множестве ее органелл, тогда как глазу она предстает в лучшем случае в виде бесструктурного зернышка ткани. Точно так же лишь в телескоп мы можем рассмотреть протуберанцы на Солнце или детали поверхности Марса, тогда как в обычном восприятии первое кажется гладким ярким пятном, а второй – мерцающим красным светлячком на звездном небе.

Также нам трудно представить себе социальную систему как целостность, поскольку мы сами находимся на уровне ее элементов и лишены возможности «взглянуть на нее со стороны», поэтому и само наше понятие социума как органического образования есть результат теоретического осмысления, но отнюдь не сенситивный или перцептуальный факт.

Аналогично масштабу относительность восприятия определяется расстоянием: то, что издали мы видим как тело, как целостную вещь (скажем, город с космической орбиты), рассыпается на множество отдельных деталей при приближении, предстает как калейдоскоп домов, улиц и скверов, отдельных вещей, причем до такой степени, что восприятие целостности исчезает. В этом случае преодоление раздробленности видения требует времени и активного вживания в предмет.

Вещь как тело и среда как континуум однородных элементов в физике обозначаются понятиями «вещество» (множество относительно изолированных фрагментов реальности) и «поле» (множество близко соседствующих и преимущественно взаимосвязанных фрагментов реальности). Они разделяются в нашем восприя-

тии, в том числе и по мощности множества элементов, составляющих объект восприятия. Множество с одним элементом – это явно вещь, как, скажем, человек, сидящий рядом с нами на скамейке. Но действительное множество уже воспринимается нами как континуум: поток людей на улице, толпа в плотно набитом автобусе, волнообразные течения пассажиров в метро.

Корпускулы и волны существуют не только в микромире. Просто большие совокупности относительно однородных единиц мы находим благодаря масштабу именно там, и тогда нам практически проще описывать такие объекты в понятиях «волна», «поле», и т. п. Так, когда интерференционную решетку проскакивает единственный электрон, он дает точечную вспышку на экране, но когда мы пропускаем через ту же решетку пучок частиц, то получаем на экране волновую картину рассеяния. Точно так же плотная толпа пассажиров автобуса при резком торможении качнется вперед, дав нам типично волновую картину движения. Или, допустим, понаблюдав некоторое время за выходом из метро, мы увидим, как с четкой периодичностью на улицу выплескиваются примерно близкие по численности порции пассажиров, и частота появления этих порций коррелирует с интервалом движения поездов. Это типично волновая картина.

Итак, восприятие реальности и выделение в ней тел, вещей относительно и зависит от различных характеристик взаимодействия человека с одними и теми же объектами. В этом смысле необходимо помнить релятивистский принцип: нет абсолютной системы координат и абсолютной единицы измерения, поэтому и нет никаких оснований абсолютизировать именно человеческую точку зрения на то, что есть вещь, а

что не является ею. Но, может быть, это касается лишь внешних аспектов восприятия действительности и никак не затрагивает внутреннюю определенность предмета?

В случае с внутренней определенностью тоже приходится ломать укоренившиеся стереотипы. Научное сознание ориентировано на открытие законов, т. е. устойчивых, повторяющихся, инвариантных связей между явлениями действительности. Современное естествознание, несмотря на свой неклассический характер, отнюдь не отказывается от этой ориентации – данное обстоятельство отмечает, скажем, создатель синергетики И. Пригожин: «Образ устойчивого мира – мира, избегающего процесса возникновения, вплоть до нашего времени остается идеалом теоретической физики»¹¹. И это, по большому счету, оправданно. Но вместе с тем развитие научного знания с усложнением его объекта с необходимостью приводит нас и к усложнению понятийных форм фиксации все более и более неочевидной устойчивости – устойчивости переменного и углубляющегося уровня.

Такое усложнение понятийного аппарата дают, в частности, диалектическая методология и как ее конкретизация, как ее выражение в современной терминологической форме и как приспособление диалектики к господствующей релятивистской парадигме – диахронический анализ. Понятийный аппарат диахронического анализа позволяет в адекватной форме отображать в теоретических моделях процессуальные

характеристики реальности. С позиций этого анализа понять природу вещей можно не в иерархическом, но при этом константном сопоставлении со свойствами и отношениями, но в раскрытии противоречивого, двойственного описания любого фрагмента реальности.

В предыдущей нашей статье¹² было показано, что *устойчивость* и *изменчивость* – это диалектическая пара категорий, смыслом и содержанием которой является стихия времени, а время, в свою очередь, становится одним из важнейших объектов внимания как естествознания, так и философии. Тот же И. Пригожин категорически утверждает: «...Физика обрела новую точку опоры не в отрицании времени, а в открытии времени во всех областях физической реальности»¹³. Его позицию разделяет философ М. Блок. Он противопоставляет науки, которые искусственно расчленили время на гомогенные отрезки, сводят его к измерению, и науки, главным содержанием которых является *история* как «...конкретная и живая действительность, необратимая в своем стремлении: время истории – это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты»¹⁴.

С позиций диалектического мышления внутренняя определенность вещи есть также характеристика относительная. Еще Ф. Энгельс отмечал тот факт, что наука отказывается от статической картины мира как совокупности неизменных вещей и приходит к картине действительности как совокупно-

¹¹ Пригожин И.Р. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках / И.Р. Пригожин. – М.: Наука, 1985. – С. 23. См. также: Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 239 с.; Рузавин Г.И. Синергетика и диалектическая концепция развития / Г.И. Рузавин // Филос. науки. – 1989. – № 5. – С. 11–21.

¹² Крюков В.В. Диахронический анализ реальности / В.В. Крюков // Идеи и идеалы. – 2011. – № 2 (8). – С. 23–43.

¹³ Пригожин И.Р. Переоткрытие времени / И.Р. Пригожин // Вопр. философии. – 1989. – № 8. – С. 9.

¹⁴ Блок М. Апология истории как ремесло историка / М. Блок. – М.: Мысль, 1973. – С. 19.

сти процессов. Наше сегодняшнее видение действительности базируется на утверждении всеобщности процессуальных характеристик фрагментов реальности, когда каждый из них рассматривается лишь как относительно устойчивый и определенный.

Это обстоятельство подтверждается вновь возникшим в нашей философской литературе интересом к категории «бытие», которая на протяжении долгого времени была практически в забвении и упоминалась лишь в двух контекстах: в связи с критикой Энгельсом принципа единства мира в интерпретации Е. Дюринга и как синоним материи для разнообразия терминологии в философии природы. Кроме того, как более нейтральный, лишенный характера телесности термин в теоретической социологии, хотя и там постоянно подчеркивалось, что общественное бытие – это и есть социальная материя.

Появились отдельные работы, посвященные категории бытия, и даже самостоятельная глава в нормативном вузовском учебнике, но, оставаясь в рамках заданного стереотипа, они дальше трактовки бытия как существования и соответствующих критериев не пошли¹⁵.

Автор данной статьи полагает¹⁶, что наступила пора вернуться к изначальному смыслу слова *бытие* и вспомнить, что как в русском, так и в других языках (англ. *the Being*, фр. *l'Être*) это – отглагольное существительное или герундий как глагольная фор-

ма, и сама эта словесная форма обозначает *процесс*, происходящий здесь и сейчас, длящийся в настоящее время; или аналогичное действие в некотором прошлом или некотором будущем. Можно сравнить также бытие (существование *сейчас*) с церковнославянским житием (*история жизни*).

С этой точки зрения бытие не есть простое существование как некое длящееся наличие, как лишь присутствие в мире неизменной вещи среди других таких же неизменных вещей. Бытие – это становление, поток изменений, новаций, модификаций предикатов, не останавливающийся ни на мгновение, поскольку нет времени там, где нет отличия предмета от самого себя, и наоборот, время обнаруживает себя тем, что выявляет изменения.

Итак, утверждается идея о том, что всякая вещь есть процесс. Но в то же время в духе диахронических представлений следует поставить вопрос: а когда это обстоятельство обнаруживается? Такие рассуждения (правда, с более узкой задачей оценки возможностей прогнозирования поведения хаотических систем и степени статистической неопределенности) развивает И. Пригожин: «Каждое состояние интегрируемой динамической системы содержит... свое прошлое и будущее. Хаотическое поведение заставляет нас найти место настоящему, определить то, что настоящее может нам сказать о будущем благодаря *временному горизонту*. Какова бы ни была точность определения состояния, имеется определенное время развития, после которого определение уже не будет адекватным: по ту сторону горизонта понятие индивидуальной траектории теряет смысл. Будучи истинным горизонтом, временной горизонт хаотических систем разделяет то, что мы можем “видеть” с

¹⁵ См.: Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западно-европейской философии / А.Л. Доброхотов. – М.: Мысль, 1986. – 329 с.; Кузнецов Б.Г. Разум и бытие / Б.Г. Кузнецов. – М.: Наука, 1972. – 212 с.

¹⁶ См.: Крюков В.В. Категория «бытие»: историческая рефлексия и актуальные аспекты / В.В. Крюков // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – Вып. 1. – С. 14–20.

того места, где находимся, и то, что находится по ту сторону, – развитие, которое мы не можем более описывать в терминах индивидуального поведения, но только в терминах “блуждающего” поведения, присущего всем системам, характеризующимся хаотическим аттрактором. Конечно, мы можем попытаться “видеть дальше”, продлить время, в течение которого мы сможем предсказать траекторию, увеличив точность ее определения и уменьшив тем самым класс систем, которые мы рассматриваем как “те же самые”. Но цена, которую придется за это заплатить, быстро станет неисчислимой: так, чтобы в десять раз увеличить время, в течение которого исходя из идеальных условий можно будет предвидеть развитие, нам придется увеличить точность этих условий на фактор $e^{10} \dots$ ¹⁷.

Применительно к нашей терминологии вещь выявляет свой процессуальный характер тогда, когда наш анализ, «взгляд на нее» пересекает временной горизонт или, что то же самое, выходит за рамки ритма изменчивости объекта. Но тогда справедливым должно быть и обратное утверждение: всякий процесс должен проявлять вещные, телесные характеристики, если его «вписать» в рамки ритма изменчивости, рассматривать его по эту сторону временного горизонта, где находимся мы сами. В общем случае это будет иметь место в ближайшей временно-событийной окрестности, определяемой по диахронической формуле в соответствии с диахроническим модулем, от точки отсчета, в качестве каковой выступает некоторый фиксированный момент времени, к которому привязывается система координат теоре-

тического описания того или иного фрагмента реальности.

Рассуждая таким образом, мы должны прийти к выводу, что понятия «вещь» и «процесс» (так же, как «частица» и «волна» в квантовой механике) – суть *идеализации* реальности, из которых первая характеризует ее в аспекте прерывности, определенности, устойчивости, существования; а вторая – в аспекте непрерывности, неопределенности, изменчивости, становления. В этом смысле реальность не есть *совокупность* вещей и процессов, а представляет собой множество фрагментов, выступающих как в одном, так и в другом качестве *сразу*, или *симультантно*, нераздельно. Отношение «вещь – процесс» в таком случае должно быть истолковано как диалектически противоречивое определение фрагмента реальности, задающее крайние пределы проявления его сущности, тот интервал мыслимых состояний, в рамках которого логическое моделирование или выражение в понятиях – имеет смысл.

Вместе с тем констатация противоречивого единства вещи и процесса относительно *единичного объекта* окажется действительной лишь в его модальном описании, т. е. в отображении его содержания с точки зрения *возможностей*, вероятных тенденций его развития. *Реальный* смысл диалектическая пара противоположностей – вещь и процесс – раскроют тогда, когда их отношение будет интерпретировано на сосуществование *разных* фрагментов реальности, их взаимодействие и, следовательно, определенность одного относительно другого.

Основополагающая идея здесь заключается в том, что развитие, процессы изменений вещей осуществляются с разными скоростями. Можно сказать и так: фрагменты реальности перемещаются вдоль миро-

¹⁷ Пригожин И.Р. Переоткрытие времени / И.Р. Пригожин // Вопр. философии. – 1989. – № 8. – С. 15.

вых линий в релятивистском континууме, и эти линии не совпадают между собой, образуя различные углы с осями системы координат.

Поясним ситуацию движения во времени аналогией движения в пространстве. Допустим, что мы движемся в автомобиле по шоссе со скоростью 80 км/ч. В некоторой точке мы обгоняем пешехода, который идет со скоростью 6 км/ч, а нас обгоняет гоночная машина, которая мчится со скоростью 200 км/ч. Что мы будем наблюдать, заглядывая вперед и оборачиваясь назад? Мы увидим, что пешеход, мелькнув за окнами, отстал далеко позади и как будто остался на месте. В то же время гоночная машина, промелькнув мимо, быстро удаляется вперед, создавая впечатление, что это мы стоим на месте. Релятивистский принцип подскажет, что движемся мы все один по отношению к другому, но это теоретическое представление может быть достигнуто лишь вопреки *видимой* картине событий.

Точно так же обстоит дело и с движением во времени, то есть с развитием, на которое теперь также распространим *принцип относительности*. Нам кажется, что некоторые тела неизменны и лишь перемещаются одно относительно другого, в то же время мы наблюдаем явления с быстрой сменой состояний, иногда быстрой настолько, что мы не успеваем за ними уследить — наше восприятие слишком медленно и неповоротливо. И тогда в первом случае мы видим, скажем, камень у крыльца, дерево у забора или дом напротив, но не можем разглядеть летящую пулю или крылышки вьющейся мухи, или спицы колес проезжающего мимо велосипеда.

Отношение «вещь — процесс» задает бинарное разделение реальности не толь-

ко при фиксированном интервале времени, но и при определенном событийном, предикативном содержании. Так, возьмем некоторый интервал событий из периода существования некоторого фрагмента реальности от его возникновения до гибели. Это такие величины, как средняя продолжительность жизни человека, период распада радиоактивного элемента или срок эволюции звезды.

Так, мы воспринимаем звезды как тела, хотя знаем, что это огромные сгустки плазмы. Но звезды эволюционируют на несколько порядков медленнее нас, и потому в наших глазах выглядят вполне как вещи. Наоборот, квантовые микрообъекты мы хотя и называем частицами, корпускулами, но легко соглашаемся считать их квантами (лат. *quantum* — порция) полей, реализациями волновой *ψ-функции* (пси-функции, распределения вероятностей), специфическими проявлениями квантово-волнового дуализма именно потому, что их телесность для нас — не более чем умозрительная конструкция, а наблюдаем мы в камере Вильсона треки их молниеносных перемещений и превращений за такие интервалы времени, которые мы просто не в состоянии даже зафиксировать без специальных приборов.

Кстати, рассуждая именно об описании микромира в макротерминах, М. Вартофский разбирает дилемму внешних и внутренних причин изменчивости, или движения и самодвижения материи. И в этой проблеме, как водится, возможны два крайних подхода: первый ратует за абсолютную инертность материи и привлекает для объяснения действий и изменений принцип *Deus ex machina* («Бог из машины» как вмешательство извне); второй приписывает материи самоактивность в спонтанных событиях со статистически-временной дериваци-

ей изменений. К первому типу решений тяготеет, скажем, Ньютон, а второй можно встретить у Эпикура с его отклонениями атомов или у Ч. Пирса в его «*тиохестической*» натурфилософии, где детерминизм выводится из чисто случайного события.

М. Вартофский пишет: «В отличие от этих подходов я считаю, что понятия “конечной причины” и “случая” это, в конечном счете, ограниченные антропоморфизмы». Эту же характеристику он распространяет и на дискретность и непрерывность реальности или, в нашей терминологии, на отношение между вещами и процессами. Интересно его высказывание на этот счет именно с точки зрения относительности такой дихотомии: «Мне могут возразить, что... поскольку партикулярность и дискретность реалити и “внешних связей” между ними не только доказываются практикой нашего опыта – они даже встроены в сам перцептуальный аппарат человека и его телесную структуру. Думаю, что это действительно так. Но и здесь эта партикулярность “внешних” границ носит не... абсолютный характер... Скорее, это релятивизированная партикулярность внутренне взаимосвязанных составляющих системы (или партикулярность внутренней структуры материального мира)»¹⁸.

Понятия вещи и процесса, применяемые как диахронические определения некоторого фрагмента реальности и выступающие в качестве взаимодополнительных диалектических противоположностей, идеализаций, задающих асимптотические пределы существования объектов действительности, допустимо вывести на категориальный уровень. В применении к реальности в

целом ее фундаментальная двойственность может быть задана асимптотическими категориями «*материя*» и «*бытие*».

Материя в этом случае может быть определена как **категория, выражающая момент устойчивости, определенности, дискретности, телесности любого фрагмента реальности, и в этом аспекте мир предстает как совокупность вещей.**

Бытие же, аналогично, должно быть определено как **категория, выражающая момент изменчивости, неопределенности, непрерывности, бестелесности, процессуальности любого фрагмента реальности, и в этом аспекте мир предстает как совокупность процессов.**

Вообще же, в множестве пар функциональных определений категория материи – субстанциональное понятие – аккумулирует устойчивость существования как момент положительный для данности, наличия, а категория бытия в том же субстанциональном смысле выражает изменчивость становления как отрицательный момент всякой данности, всякого пребывания. Вместе же эти понятия составляют экстремальное определение реальности, задающее логические пределы, мыслимые асимптоты всякого существования.

С этой точки зрения предложение В. Тутаринова определять природу как взаимное дополнение материи и бытия необходимо переосмыслить, усилить и углубить. Реальность распадается на материю и бытие лишь относительно той или иной системы отсчета, частным случаем которой может выступать человек. Для него одни фрагменты этой реальности представляются процессами, другие – вещами. В общем же случае материя и бытие совпадают, поскольку любому объекту природы в действительности в той или иной (раз-

¹⁸ Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. – М.: Прогресс, 1988. – С. 92–93.

личной) мере присущи как вещные, так и процессуальные характеристики. Причем следует подчеркнуть, что эта мера определяется ритмом изменчивости объекта, и ни одна из противоположных характеристик не может быть элиминирована полностью.

Сформулированный подход к определению понятий материи и бытия впервые был предложен автором данной статьи¹⁹, и он может именоваться как *релятивистская модель реальности*. В рамках этой модели картина мира не привязывается к какой-то выделенной системе координат, а зависит от системы отсчета и будет достаточно сильно различаться для фрагментов реальности с заметными различиями диахронических характеристик.

Мир материален, но в разной, большей или меньшей, степени для быстро меняющихся или медленных систем. Так, для бульжника, лежащего на земле, растущая рядом травинка – не тело, не вещь, а процесс, который бульжник «не может зафиксировать» как нечто целостное, определенное. Тем более процессуальны для того же бульжника пробегающая мимо кошка или проходящий туда и обратно по несколько раз в день человек, которых бульжник не успеет даже «заметить», несопоставимо медленно функционируя в своем собственном ритме, в рамках своего заторможенного, инертного бытия.

Для летящего же со скоростью света фотона или с невероятной частотой в микроскопические доли секунды превращающегося глюона большая часть реальности «выглядит» как нечто застывшее, не-

изменное, телесное, с определенно очерченными границами, «навечно» принятой формой. Плотное для метеорита или кометы тело планеты Земля сверхлегкое и сверхбыстрое нейтрино «проскочит» насквозь и даже «не заметит». Быстроживущий объект оказывается преимущественно в мире вещей, и для него этот мир материален почти предельно, поскольку изменения в нем слишком медленны и потому незаметны.

Человек с его экзистенциальными и перцептуальными характеристиками находится где-то в середине пучка мировых линий, поэтому для него реальность *дихотомична*, распадается надвое. С одной стороны, он видит вещи, в различной степени «застывшие» относительно его самого: животное, растение, минерал, вечный космос. С другой стороны – он сталкивается с протяженными и изменчивыми средами: ветром, морем, светом, тяготением; с интенсивными, быстрыми процессами: огнем, взрывом, выстрелом, квантовыми явлениями. А если вдруг мелькнет нечто такое, чего он не успевает зафиксировать и определить, то склонен думать, что наблюдал пришествие мифического НЛО. Точно так же если мы пнем валяющийся на земле бульжник, он воспримет свое перемещение (если бы мог, конечно) как левитацию и даже как нуль-транспортровку.

Основная идея релятивистской модели состоит в том, что изменчивость реальности рассматривается с позиций принципа развития, то есть события, происходящие в действительности, представляют собой не только движение, внешним образом проявляющееся перемещение в пространстве, но и качественное изменение, внутреннюю новацию, развертывающуюся во времени.

¹⁹ Крюков В.В. Материя и бытие в диахронической версии / В.В. Крюков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. – 168 с.: ил. – (Серия «Монографии НГТУ»).

Термин «*релятивистская*» уместен, так как предложенная версия определений материи и бытия вполне соответствует представлениям теории относительности А. Эйнштейна, в которой линейные величины и интервалы времени связаны в единый континуум, четырехмерное пространство-время в степеометрии Г. Минковского. К тому же в нашей диахронической версии и время представлено в двух измерениях.

Новый аспект видения реальности состоит в том, что изменчивость имеет относительный характер не только в случае пространственного перемещения, когда в принципе нет большой разницы в том, какое из тел считать движущимся, а какое — покоящимся. Такая же ситуация имеет место и в описании изменений по координатам времени, поскольку процессы протекают с разными скоростями в различных фрагментах реальности, им присущи разные темпы преобразований и ритмы накопления существенных, задающих ту или иную определенность новаций.

С учетом этих различий в составе реальности могут наблюдаться быстрые и медленные относительно любого наблюдателя фрагменты. В диахроническом отношении более медленные в своем развитии объекты будут восприниматься наблюдателем как застывшие, определенные четкими границами, твердой поверхностью, с выраженными телесными характеристиками — то есть как вещи. Тогда как более быстрые в своем развитии объекты будут восприниматься наблюдателем как стремительно меняющиеся, неопределенных размеров и очертаний, не локализованные в конкретном месте и объеме — «бестелесные», по видимости, процессы.

Если разделение реальности на вещи и процессы оказывается условным и зави-

сит от системы отсчета, если один и тот же объект выглядит то как вещь, то как процесс с различных точек зрения, следует сделать радикальный вывод: вещь и процесс — это одно и то же; всякая вещь есть процесс, но и всякий процесс есть вещь. Переходя на категориальный уровень, можно сказать так: реальности в целом, как и любому ее фрагменту, присущи как вещные, так и процессуальные характеристики, которые проявляются альтернативно, но и дополняют друг друга, образуя конкретную меру единства в том или ином объекте определенной природы.

Такая констатация напоминает *принцип дополнительности* в квантовой механике. Это неудивительно: именно в микромире мы сталкиваемся с короткими временными интервалами и высокими темпами взаимодействий, что и приводит к неопределенности описания микрообъектов, которую открыл В. Гейзенберг, а также к дополнительности корпускулярных и волновых представлений о микромире, предложенной Н. Бором.

Однако и медленные объекты, если их брать в огромных по масштабам человека интервалах времени и расстояний, дадут такую же картину. Так, звезды, события в которых растягиваются на миллиарды лет, тоже эволюционируют, и знаменитая диаграмма Герцшпрунга–Рессела дает представление о гигантски медленной для нас и стремительной для них самих изменчивости, процессуальности звезд. Э. Хаббл пошел еще дальше и показал в теории Большого Взрыва сингулярного состояния вещества нестационарный характер существования Метагалактики, ее расширение и историческое развитие.

Релятивистская модель реальности позволяет соединить некоторые достоинства

реализма, атрибутивизма и реляционизма, избегнув их явных недостатков. В этой модели утверждается существование вещей, но вещи утрачивают характер абсолютных и неизменных единиц бытия. Более того, понятие вещи связывается с такими атрибутами, что по определению оказывается относителем. В то же время отношение, которое фигурирует в этой модели – это отношение между самими фрагментами действительности, и оно также не закреплено ни за одним из них. Прежде всего, оно не привязано исключительно к познающему субъекту, что позволяет уйти от антропоцентризма и оставить в стороне для специального обсуждения проблемы гносеологии.

Понятия вещи и процесса, категории материи и бытия эксплицируются на теоретическом уровне, и в этом случае обращение к физике или биологии, химии или космологии вовсе не является обязательным. Понятийный аппарат диахронического анализа позволяет строить модель реальности на абстрактно-общем уровне и вместе с тем, подбирая специфические единицы измерения, использовать предложенный инструментарий в прикладных целях, если есть для этого возможность и потребность. Наконец, релятивистская модель диалектична. В отличие от гносеологизма с его раз и навсегда фиксированным «отношением к сознанию» в этой модели отношение «вещь – процесс» не константное, а переменное, т. е. имеющее различную, но вполне определенную меру для сопоставления многообразных объектов действительности. Такой мерой выступает *ритм изменчивости* фрагментов реальности, выражающий внутреннее основание и специфическое качество того или иного особенного существования.

Думается, что такой результат рефлексии возможных подходов к проблеме реальности и такой путь теоретического синтеза конкурирующих концепций – достаточно перспективны, поскольку природа действительности в релятивистской модели выражена в допускающей варианты, богатой внутренним логическим пространством, динамичной и способной к дальнейшим модификациям диалектической форме.

Литература

- Антипенко А.Г.* Проблема физической реальности / А.Г. Антипенко. – М.: Наука, 1973. – 197 с.
- Аксёнов Г.П.* Причина времени / Г.П. Аксёнов. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 302 с.
- Березовский П.И.* Понятие материи в системе категорий диалектического материализма / П.И. Березовский. – Красноярск: Изд-во КрасГУ, 1982. – 189 с.
- Вартофский М.* Материя, действие и взаимодействие / М. Вартофский // Модели. Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988. – С. 79–96.
- Доброхотов А.А.* Категория бытия в классической западно-европейской философии / А.А. Доброхотов. – М.: Мысль, 1986. – 329 с.
- Канке В.А.* Формы времени / В.А. Канке. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 230 с.
- Кант И.* Соч.: в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 336 с.
- Крюков В.В.* Категория «бытие»: историческая рефлексия и актуальные аспекты / В.В. Крюков // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – Вып. 1. – С. 14–20.
- Крюков В.В.* Материя и бытие в диахронической версии / В.В. Крюков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ. – 2008. – 168 с.: ил. – (Серия «Монографии НГТУ»).
- Кузнецов Б.Г.* Разум и бытие / Б.Г. Кузнецов. – М.: Наука, 1972. – 212 с.
- Кучевский В.Б.* Анализ категории «материя» / В.Б. Кучевский. – М.: Наука, 1983. – 255 с.

Мелюхин С.Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии / С.Т. Мелюхин. – М.: Политиздат, 1966. – 192 с.

Пригожин И.Р. Переоткрытие времени / И.Р. Пригожин // *Вопр. философии.* – 1989. – № 8. – С. 3–19.

Пригожин И., Стенгерс П. Время, хаос, квант: К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 239 с.

Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории / А.Я. Райбекас. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 212 с.

Уитроу Дж. Естественная философия времени / Дж. Уитроу. – М.: УРСС, 2003. – 402 с.

Хокинг С. От большого взрыва до черных дыр. Краткая история времени / С. Хокинг. – М.: Мир, 1990. – 412 с.

Margenau H. The Natur of Phisical Reality. A Philosophy of Modern Phisics / H. Margenau. – New York, Toronto, London, 1950. – 386 p.

McTaggart J.E. The Natur of Existens. – In 2 v. J.E. McTaggart. – Cambrage, 1921. – V. 1. – 435 p.

Weil H. Raum, Zeit, Materie / H. Weil. – Leipzig, 1970. – 431 s.